

мание тот факт, что если в прошлом непосредственное наблюдение рассматривалось чуть ли не как единственный метод в этнографии, то в последние годы наметилась противоположная тенденция — считать отдельные технические приемы, способы сбора первичного материала за самостоятельные методы, необоснованно, таким образом, умножая их количество.

Думается, что в иерархии методов этнографической науки на первые места следует поставить непосредственное наблюдение и сравнительно-исторический метод. Первый по праву считается основным в этнографии благодаря той роли, которую он играл в становлении, развитии и современном функционировании этой науки. Как источник необходимого первичного материала, он является непреложным условием существования этнографии.

Сравнительный метод особо важен в принципиально-научном отношении. Выявление этнической специфики, сходных черт и различий народов-этносов, которые по своей природе являются «категориями сопоставительными»¹⁸, возможно только при их сравнении.

Оба эти метода различны по своему характеру и уровню. Широко практиковавшийся издавна при сборе фактического материала анкетный метод, как сопряженный с собирательской работой, как дополняющий непосредственное наблюдение, также относится к методам первого, будем говорить, низшего уровня. Картографирование, позволяющее проводить систематизацию и обобщение материалов в широких и даже глобальных масштабах, — метод высшего, чем собирательские методы, уровня. Сравнение в своем законченном виде является методом еще более высокого уровня. Это — метод исследовательской практики, подхода к проведению этнографических исследований, интерпретации накопленных фактов, в связи с чем он несравненно больше, чем предыдущие методы, обуславливается методологией.

Думается, что и в отношении методов, так же как и применительно к школам, следует выработать «таксономический критерий», поскольку упоминаемые авторами «стационарный метод», «метод опроса», «генеалогический метод» в одних случаях покрываются более современными названиями, в других — являются процедурами несколько иного плана.

Было бы, наверное, целесообразным возвратиться к системному освещению методов этнографической науки в специальной работе, учитывая, что с развитием этнографии методы ее совершенствовались, усложнялись и видоизменялись; неодинаковой была и интерпретация их учеными различных течений и школ в различные времена, а также, в частности, и то, что осталось невыясненным отношение этнографов к структурному, например, методу и пр.

Есть все основания полагать, что проведенная журналом дискуссия позволит еще глубже проникнуть в понимание отдельных вопросов, изложенных в принципиально важной для дальнейшего развития этнографии, обобщающей статье Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова.

¹⁸ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 16.

М. В. Крюков

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ НАУКА НУЖДАЕТСЯ В ПЕРЕСТРОЙКЕ

Не рискуя проводить прямую параллель между научной дискуссией и игровыми видами спорта, хочу все же напомнить, что правила футбола, например, предоставляют вышедшим на поле командам возможность по своему усмотрению решать, какой тактики им следует придержи-

живаться — непрерывно атаковать ворота противника или уйти в глухую защиту. В отличие от этого теннисист подает четыре раза подряд, а его соперник вынужден обороняться, после чего сам получает преимущество нанесения удара первым. Совершенно иная процедура принята при проведении дискуссий в журнале «Советская этнография»: сделав первую серию выпадов, инициатор спора оказывается затем перед целой шеренгой оппонентов и до поры до времени не волен парировать их удары, причем редколлегия следит лишь за тем, чтобы эти удары не наносились открытой перчаткой или ниже пояса (хотя очень многое здесь зависит, увы, от того, как трактуются правила). И лишь после этого автор статьи-зачина по сигналу рефери переходит в финальную контратаку, а остальные участники дискуссии оказываются в положении защищающихся без права применения ответных приемов. Все это приводит к тому, что у автора появляется соблазн извлечь максимальную пользу из предоставленной ему привилегии, по возможности не оставив без ответа ни одно из выдвинутых в его адрес критических замечаний.

Преодолевая этот соблазн, я хочу сразу же заметить, что в своем ответе оппонентам не намерен касаться многих вопросов, которые сами по себе вероятно представляют интерес, но не существенны для оценки позиции автора в целом. Поэтому я не буду полемизировать здесь по поводу того, можно ли говорить об «эволюционистском» подходе к оценке прошлого в трудах ученых эпохи Возрождения (Мыльников, № 4, с. 86), о том, пользовался ли Л. Г. Морган стационарным методом (Бутинов, № 5, с. 52), есть ли в современной китайской науке исследования по этнографии китайцев (Решетов, № 5 с. 64) и т. д. Я хочу сосредоточиться на одном вопросе, который лишь попутно был затронут некоторыми участниками дискуссии, но без сомнения заслуживает более серьезного разбора. Речь идет о том, нужна ли сегодня советской этнографической науке перестройка.

По мнению Г. Е. Маркова, советская этнография действительно испытывает «необходимость совершенствования, а кое в чем может быть и перестройки» (Марков, № 4, с. 85). Но в чем же именно? «Перестройка должна заключаться, — полагает он, — прежде всего в углублении фундаментальности исследований, в повышении качества работ» (там же). Это суждение известного советского этнографа, на мой взгляд, как нельзя лучше объясняет, почему уже становясь реальностью в сфере некоторых общественных наук, перестройка тем не менее пока еще практически не коснулась этнографии. К сожалению, мы в лучшем случае до сих пор лишь признаем неизбежность перестройки (Решетов, № 5, с. 64), но еще недостаточно четко представляем себе, что же такое перестройка в науке вообще и в этнографии в частности. Не случайно, что в опубликованной недавно передовой статье журнала «Советская этнография», посвященной этой теме, на вопрос, в чем должна заключаться перестройка, не дано исчерпывающего ответа. Указывая на ряд проблем, существующих в нашей исследовательской практике, автор статьи в то же время утверждает, что «мы остро чувствуем и ограниченность своих возможностей в решении этих вопросов», поскольку «этнографы встречаются с ограничениями, препятствующими их работе»¹. Все это живо напоминает ситуацию, когда хозяйственные руководители объясняют свою пассивность недоработками смежников. Представляется, что большую пользу нам принес бы беспристрастный анализ нынешнего состояния советской этнографической науки и выявление ее внутренних факторов торможения. Вот почему мне хотелось бы воспользоваться правом повторного выступления в дискуссии, чтобы высказать на сей счет некоторые соображения, тем более, что материалы обсуждения дают богатую пищу для размышлений по этому поводу.

Первое, чего, на мой взгляд, требует перестройка в этнографии, — это отказ от привычных стереотипов, от принятия на веру некогда навязанных науке априорных суждений.

¹ Советская этнография в условиях перестройки//Сов. этнография. 1987. № 4. С. 8.

Наглядный пример подобных стереотипов — прочно укоренившееся у нас представление о том, что, объявив этнографию исторической дисциплиной, «органической частью истории», мы застрахуем себя от ошибок в теории и практике. Представление это возникло еще в конце 1920-х годов как следствие одностороннего, упрощенного, догматического толкования марксистской методологии, которое привело некоторых особо ретивых теоретиков к полному отождествлению этнографии и истории. «Построение этнографии как самостоятельной науки с особым предметом и методом изучения, противостоящей или равноправной истории,— говорилось в резолюции совещания 1932 г.,— противоречит марксистско-ленинскому учению о диалектике исторического процесса»².

В первые послевоенные годы, когда критика буржуазных ученых получила гипертрофированные размеры не столько в силу внутренней потребности наших исследователей проанализировать закономерности развития этнографического знания, сколько из желания обрести индульгенцию от обвинений в космополитизме, противопоставление советской этнографии как раздела истории и якобы сплошь антиисторичных буржуазных этнографических школ стало своего рода веянием времени. Справедливости ради следует впрочем напомнить, что еще в 1949 г. Н. А. Бутинов выступал против определения этнографии только как исторической дисциплины. «Если с организационным руководством в Институте дело обстоит благополучно,— говорил он тогда на одном из заседаний Ученого совета Института этнографии АН СССР,— то в теоретическом руководстве имеются недостатки, доказательством чего является неточность определения и неясность предмета советской этнографии»³. Тем не менее господствовавшая точка зрения оказалась чрезвычайно живучей, и рецидивы ее отчетливо обнаружались в ходе нынешнего обсуждения.

Г. Е. Марков высказал предположение, что авторы статьи, открывшей дискуссии, смешивают два различных понятия — Историю, исследующую основные закономерности общественного развития, и историческую науку в узком смысле, причем, по его мнению, «едва ли в этнографии есть исследовательские зоны, выходящие за пределы Истории» (Марков, № 4, с. 83). Замечу, что История (по крайней мере в ее понимании К. Марксом) отнюдь не ограничивается изучением закономерностей развития общества, поскольку включает также и историю природы. С этой точки зрения не только языкознание и политэкономия, но также геология и астрономия должны быть отнесены к историческим дисциплинам в широком смысле слова. Таким образом, должно быть ясно, что при обсуждении вопроса о соотношении этнографии с археологией, социологией, историей мы имеем в виду не Историю, а собственно историческую науку в узком значении, т. е. область знания, изучающую прошлое человечества преимущественно с помощью методов анализа письменных памятников.

Правда, А. И. Першиц полагает, что, во-первых, история является наукой о прошлом только в обыденном понимании этого слова и, во-вторых, науки выделяются по своим объектно-предметным сферам, а не по методикам (Першиц, № 4, с. 72). Но с этой точки зрения оказывается невозможным разграничить историю и археологию, и А. И. Першиц поэтому склонен признать археологию исключением. Почему же в таком случае хотя бы также в виде исключения не допустить возможность разграничения истории и этнографии с учетом не только объектно-предметных сфер этих наук, но и их методик?

История исследует прошлое человечества, опираясь главным образом на дошедшие до нас письменные свидетельства; этим, между прочим, объясняется тот факт, что история (в узком смысле) не занимается

² Итоги Всероссийского археолого-этнографического совещания. 1932 г.//Сов. этнография. 1932. № 3. С. 12.

³ Жданко Т. А. Обсуждение научно-исследовательской работы Института этнографии АН СССР//Сов. этнография. 1949. № 1. С. 170.

исследованием проблем первобытности. В отличие от этого, археология изучает следы жизнедеятельности человека, нашедшие отражение в добываемых раскопками памятниках материальной культуры. Что же касается социологии и этнографии, то их основным объектом являются реально функционирующие современные общества, которые в принципе находятся вне сферы исследования истории и археологии.

Далее, предмет каждой из общественных наук составляют общие или частные закономерности общественного бытия. История изучает всю совокупность аспектов человеческого общества, тогда как, например, археология в силу специфики своего объекта вынуждена ограничиваться лишь некоторыми из них, доступными для исследований на ее специфическом материале. Что же касается этнографии, то вопреки стремлению некоторых наших специалистов необоснованно расширять границы этнографического исследования, она представляет собой науку об этносах и ее специфическим предметом являются закономерности формирования, развития и трансформации этнических общностей (в отличие от общностей политических, конфессиональных и иных).

Будучи наукой об этносах и изучая этнические аспекты общественных связей на всех этапах существования человеческого общества (в том числе и на этапе первобытности), этнограф исследует прошлое даже в более широком хронологическом диапазоне, чем собственно историк. Однако главный компонент объекта этнографии — это проблемы современности, тогда как история хотя и включает «изучение новейшего времени вплоть до сегодняшнего дня» (Першиц, № 4, с. 71), но не рассматривает современность в качестве своего основного объекта, так как в противном случае она слилась бы с социологией.

В то же время этнограф вычленяет из всей многообразной совокупности явлений современного общества лишь их этнические аспекты и потому предмет его исследования уже, чем у историка и социолога. Все эти науки частично соприкасаются между собой и даже в определенных пределах перекрывают друг друга, однако специфика объекта и предмета делает возможным существование их как самостоятельных отраслей человеческого знания.

Определяя этнографию как составную часть исторической науки С. П. Толстов писал в свое время, что это не противоречит существованию внутри этнографии раздела, именуемого «исторической этнографией»⁴. Трудно понять, каким образом эти два тезиса могут не противоречить друг другу. Не разъясняет нам этого и А. И. Першиц, который с одной стороны считает, что по меньшей мере спорно противопоставлять этнографию и историю, а с другой — соглашается с выделением «исторической этнографии» как раздела этнографической науки (Першиц, № 4, с. 72).

Разграничение предметной зоны и объекта истории как науки о прошлом человечества и этнографии, изучающей этнические общности на всех этапах существования человеческого общества, включая прежде всего современность, отнюдь не означает отрицания того бесспорного факта, что марксистская этнография в своих конкретных исследованиях основывается на принципах историзма. Это отличает ее от большинства немарксистских этнографических направлений. Но историзм в толковании происхождения общественных явлений свойствен не только советской этнографии, но и всем нашим гуманитарным наукам в целом. Так, плодотворный анализ творчества того или иного современного писателя невозможен без понимания закономерностей исторического развития литературного процесса, и тем не менее у нас нет оснований считать литературоведение частью исторической науки.

К сожалению, принцип историзма до сих пор подчас трактуется у нас упрощенно. А. И. Першиц выражает свои сомнения в правомерности сформулированного Д. К. Зелениным ретроспективного метода анализа этнографических явлений на том основании, что «В. И. Ленину

⁴ Толстов С. П. Основные теоретические проблемы современной советской этнографии // Сов. этнография, 1960. № 6. С. 12.

логика исследования виделась иначе: „...смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы это явление в своем развитии проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь...“⁵ (Першиц, № 4, с. 72). Но из приведенных слов В. И. Ленина вовсе не следует, что смотреть на развитие явлений должно исключительно в хронологической последовательности событий. Так, например, В. И. Ленин вовсе не считал, что осуществленный К. Марксом анализ отношений капиталистического общества должен был иметь своей предпосылкой последовательное прослеживание сущности всех предшествующих формаций. Наоборот, «если применение материализма к анализу и объяснению одной общественной формации,— писал он,— дало такие блестящие результаты, то совершенно естественно, что... необходимость такого метода распространяется и на остальные общественные формации, хотя бы и не подвергшиеся специально фактическому изучению и детальному анализу»⁶. В этнографическом исследовании (например, при изучении проблем этногенеза) иногда также наибольший эффект может дать рассмотрение явлений в ретроспективе, исходящей из анализа современного состояния изучаемого явления, хотя излагать результаты такого исследования в большинстве случаев удобнее в представляющейся наиболее естественной хронологической последовательности. Таким образом, историзм заключается в обязательном выявлении истоков явления и этапов его развития; вопрос же о том, каким способом эта цель может быть достигнута, есть вопрос конкретной методики, а не методологии.

Одним из негативных результатов чрезмерного увлечения односторонне толкуемым историзмом стал свойственный в целом советской этнографии крен в сторону диахронных аспектов исследования в ущерб синхронным, хотя без осмысления характера связей, существующих внутри явления на каждом из последовательных хронологических срезов, невозможно понять закономерности процесса развития. В результате этого на протяжении нескольких десятилетий советские этнографы охотно занимались созданием разного рода периодизаций, почти совершенно игнорируя разработку проблем типологии. Между тем периодизация и типология — два различных, но взаимосвязанных подхода к пониманию одной и той же суммы фактов. Когда же в 1970-х годах мы наконец обратились к типологизации этнографических явлений, выяснилось, что советские этнографы не только на порядок отстали в этом от фольклористов и тем более лингвистов, но и вообще отчасти утратили ту требовательность к системности этнографического исследования, которая была характерна для лучших работ наиболее крупных ученых 1920-х годов. Пренебрежение фундаментальными принципами типологического исследования обнаруживается сегодня даже тогда, когда мы говорим о проблемах типологии. Это еще раз отчетливо проявилось, например, в дискуссии 1986 года об исторических типах этнических общностей. Находясь под гипнозом сталинской схемы «племя — народность — нация», ее сторонники так и не смогли объяснить, что является основанием для причисления этнических общностей буржуазного и социалистического общества к одному и тому же типу — нации, хотя по их утверждению вся схема в целом носит формационный характер.

Несбалансированный акцент на диахронные аспекты исследования в ущерб синхронным несмотря на свою внешнюю привлекательность чреват серьезными издержками. Полагая, с одной стороны, что лингвистическая классификация народов является тем самым классификацией этнической, но признавая, с другой, правомерность выделения в современном мире 3—4 тысяч народов и 4—5 тысяч языков, С. И. Брук следующим образом объясняет данное противоречие: «Дело заключается здесь в разном подходе к изучаемым явлениям. Для лингвиста важно выявление любого самого малочисленного языка или диалекта, для

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 67.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 143.

этнографа — показ тенденций к консолидации, к слиянию мелких народностей и племенных групп, которые проявляются особенно интенсивно в последние десятилетия»⁷. Но разве не ясно, что как лингвист, так и этнограф должны прежде всего беспристрастно и объективно анализировать реальную ситуацию — как лингвистическую, так и этническую? Разве не ясно, что именно неумеренное подчеркивание еще не реализованных тенденций развития является источником одного из серьезнейших недостатков наших этнографических исследований последних десятилетий, когда мы в своих выводах о происходящих в нашей стране этнических процессах сплошь и рядом забегали вперед, выдавали желаемое за действительное, убаюкивали себя и других утверждениями о бесконфликтно усиливающейся консолидации и интеграции народов СССР?

Такого рода результаты подмены анализа реального положения вещей показом идеализированного состояния тенденций развития мы готовы сейчас оправдать тем, что «долгое время в нашей науке ученые не имели возможности разносторонне высказываться по ряду тем»⁸. Но ведь в действительности все эти годы мы не переставали высказываться, компенсируя свое нежелание изучать противоречия современного общества обильным сдобриванием своих сочинений популярными общественно-политическими лозунгами. В недавней статье М. Н. Губогло «Преемственность и новаторство на этапе разработки национальных проблем на этапе развитого социализма» вообще не упоминается о каких-либо нерешенных проблемах развития национальных отношений в СССР, и она состоит фактически из бравадных славословий по поводу нашего успешного продвижения вперед⁹. Может быть, накануне XXVII съезда КПСС, когда была написана эта статья, ее автор был лишен возможности откровенно высказаться по избранной им теме? И в другой своей работе посвященной на этот раз этноязыковым процессам в СРВ, он воздерживается от анализа острых проблем, с которыми сталкивается национальное строительство в этой стране, и судя по всему видит свою задачу прежде всего в комментировании документа № 53 Правительственного совета СРВ, где изучение вьетнамского языка определено как не только право, но и долг невьетнамских народов Вьетнама. По словам автора, «результаты исследования показали, что потребность знать вьетнамский язык является глубоко и всесторонне осознанным долгом граждан невьетнамской национальности СРВ»¹⁰. В высшей степени сомнительно, что подобное подстраивание научного исследования под предварительно заданный тезис может иметь своим результатом что-либо иное кроме избытка преемственности при фатальном дефиците новаторства.

С этим связан еще один аспект перестройки советской этнографической науки. Чем меньше помпезности, чем больше внимания к собственным недостаткам и ошибкам будет в наших работах, тем быстрее будет движение науки вперед. То, что мы столь охотно демонстрировали свои преимущества перед западной этнографией, сослужило нам в свое время плохую службу. Любование действительными и мнимыми достижениями мешало нам во время увидеть и оценить свои просчеты. Поэтому мы, например, вплоть до начала 1950-х годов продолжали настаивать на непогрешимости моргановской схемы развития семьи, полагая, что внесение в нее хотя бы незначительных поправок бросит тень на основоположников марксизма, которые некогда эту схему приняли, хотя и не относились к ней столь начетнически, как это делали мы. А затем, когда постулировать существование в истории человечества кровнородственной семьи стало уже решительно невозможным, мы приписали себе заслугу пересмотра моргановской концепции, делая вид, что приведен-

⁷ Брук С. И. Население мира. М., 1986. С. 89, 94, 99, 100.

⁸ Советская этнография в условиях перестройки. С. 8.

⁹ Губогло М. Н. Преемственность и новаторство в разработке национальных проблем на этапе развитого социализма//Сов. этнография. 1986. № 3. С. 3—13.

¹⁰ Губогло М. Н. Двухязычие у национальных меньшинств Вьетнама: факторы распространения//Сов. этнография. 1986. № 1. С. 31.

ные нами аргументы не были сформулированы западными этнографами еще за четверть века до этого. Что-то очень похожее на это чувствуется ныне в нашем отношении к пресловутой типологической триаде «племя — народность — нация». Вот уж и доводы «за» иссякли и не ясно, ради чего нужно ломать копыя, защищая эту обветшалую конструкцию, но механизм иммунной защиты от признания ошибок продолжает срабатывать по инерции. Давайте представим себе, сколько драгоценного времени и творческой энергии потратили попусту наши коллеги, которые, уподобившись средневековым алхимикам в их поисках философского камня, стремились выявить хоть какие-нибудь признаки перехода одного из этих мнимых типов в другой! Уже и в других социалистических странах почти не осталось сторонников этой по недоразумению декларированной Сталиным, но никогда ни им, ни кем-либо другим не доказанной «типологии». Давно уже никто не вспоминает о курско-орловском диалекте как основе формирования русского литературного языка и прочих наукообразных близнецах злополучной схемы «племя — народность — нация», но мы с упорством, достойным лучшего применения, продолжаем утверждать, что Земля со всеми населяющими ее этническими общностями держится именно на этих трех теоретических китах. Нужно ли после этого удивляться, что поставь жизнь перед нами не надуманные, а вполне реальные проблемы этнических взаимоотношений, мы отнюдь не всегда оказываемся готовыми дать им своевременную и адекватную оценку.

Сейчас в прессе оживленно дебатруется вопрос о том, был ли застой в советской исторической науке 1970-х годов. Кое в чем на протяжении этого периода времени мы двигались вперед более энергично, чем наши собратья-историки. Именно 70-е годы отмечены у нас интенсивной разработкой фундаментальных проблем теории этноса, способствовавшей общей активизации состояния советской этнографии. Это был бесспорный шаг вперед по сравнению с тем временем, когда основным жанром этнографического исследования признавалась историко-этнографическая монография, а на заседании Ученого совета Института этнографии АН СССР можно было услышать, что «описательный характер представленной работы не может служить основанием для отвода ее в качестве докторской диссертации»¹¹. В то же время нельзя не видеть, что в некоторых других отношениях мы не только не пошли дальше по сравнению с этим периодом, но кое в чем утратили свои прежние позиции.

Особенно заметно наше попятное движение от некогда достигнутого уровня в методике полевых этнографических исследований. Будучи чрезмерно увлечены новизной социологических методов, мы сами того не замечая отошли от твердо усвоенного еще нашими предшественниками правила: любые этнографические обобщения возможны лишь на основе кропотливого изучения конкретных народов во всем многообразии их неповторимых особенностей. И если мы сегодня констатируем, что от стационарной полевой работы мы с течением времени перешли к экспедиционным исследованиям, а от них — к кратковременным групповым или даже индивидуальным выездам в поле, то каким же образом признание этой тенденции может быть «внеоценочным» (Решетов, № 5, с. 65)?

С удовлетворением можно отметить, что сейчас впервые за многие годы мы ставим имеющий принципиальное значение вопрос о знании местных языков как неотъемлемой составной части профессиональной подготовки советских этнографов¹². Когда-то наша наука гордилась Г. М. Василевич, Г. И. Карповым, Е. И. Крейновичем, Г. Н. Прокофьевым, Б. О. Долгих и многими другими выдающимися этнографами, в совершенстве владевшими языками тех народов, которые они изучали. Первый заведующий Кабинетом Кавказа Института этнографии АН

¹¹ Корбе О. А. Защита диссертаций в Институте этнографии // Сов. этнография. 1949. № 1. С. 190.

¹² Советская этнография в условиях перестройки. С. 8.

